

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В.В. Захаров*

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

***Аннотация.** В статье представлен анализ эффективности различных моделей исполнительного производства, действовавших в России в XIX — начале XX вв. Показано, что закрепленная в законодательстве первой половины XIX в. модель исполнительного производства была публично-правовой и обеспечивала исполнение только половины вынесенных судебных решений по гражданским делам. При этом в силу организационно- и процессуально-правовых причин исполнительный процесс затягивался в среднем на пять лет. В результате судебной реформы 1864 г. произошел переход к смешанной судебной модели исполнения судебных решений по гражданским делам. Она оказалась более эффективной, поскольку обеспечивала в течение первого года после вынесения судебных решений исполнение около 70% от их числа. Наблюдалось заметное ускорение процесса исполнения судебного решения: в среднем он составлял два года. Эти успехи напрямую связаны с учреждением института судебных приставов, а также предоставлением взыскателю возможности активизации своей роли, что повлекло за собой удорожание судебного исполнения.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, суд, исполнение, взыскатель, должник, пристав, полиция, процесс, судопроизводство, юстиция.*

В любом государстве надлежащее исполнение судебных решений в разумные сроки является существенным показателем эффективного функционирования судебной системы и государственного аппарата в целом. Без реального исполнения требований юрисдикционного акта невозможна практическая защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод, охраняемых законом интересов. Даже самое правильное судебное решение сводится на нет неэффективностью его исполнения — оно

не гарантирует ни быстрого и полного восстановления нарушенных прав, ни сдерживания делинквентного поведения в будущем. Очевидно, что социальный результат достигается (а следовательно, реализуется предназначение судебной власти) не самим принятием судебного решения, пусть даже законного и справедливого, а лишь его фактическим исполнением, поскольку именно последнее и приводит к тем изменениям реально сложившейся ситуации, ради которой начинается судебный процесс. В этой ситуа-

© Захаров Владимир Викторович

* Доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курского государственного университета

[zaharov.72@mail.ru]

305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

ции отсутствие надежного механизма их исполнения несовместимо не только с требованием полноты судебной защиты прав, но и с принципом справедливого правосудия, отрицательно сказывается на авторитете судебной власти, порождает сомнения в эффективности правовых средств защиты¹.

Судебная реформа в России переживает очередную фазу, особенностью которой является акцентирование внимания не столько на организации судебной системы, сколько на повышении качества ее функционирования. Определены приоритетные направления судебной политики, треть которых связана с исполнением решений, вынесенных судами. Это дает основание утверждать, что исполнимость судебных решений наряду с открытостью и доступностью правосудия, а также качеством судебных решений рассматриваются в качестве индикатора эффективности деятельности судов. В связи с этим модернизация принудительного исполнения судебных решений выделено в особое направление совершенствования судебной системы².

В такой ситуации актуализируется историко-правовое исследование отечественного исполнительного производства. Без знания исторических корней отечественного права невозможно формулирование действительно научных концепций и построение эффективных моделей исполнения судебных актов. Это позволяет в определенной мере выявить исторические закономерности, прогрессивные и негативные тенденции в развитии исполнительного производства, которые должны быть учтены на современном этапе реформирования. В имеющихся исследованиях основное внимание уделяется анализу действовавшего законодательства об исполнении судебных решений и игнорируется практика исполнительного производства, без которой невозможно дать объективную оценку механизма принудительного исполнения юрисдикционных актов.

В первой половине XIX в. в Российской империи действовала публично-правовая модель исполнения судебных решений, которая соответствовала следственно-состязательно-му гражданскому судопроизводству. Принудительное исполнение юрисдикционных актов осуществляла преимущественно полиция,

деятельность которой контролировалась как со стороны суда, ответственного за результат исполнительного производства, так и со стороны губернского правления, в компетенцию которого входило исполнение закона вообще. Взыскатель и должник имели ограниченные возможности влиять на ход исполнительного производства. Публичность исполнения имела своим следствием то, что главным субъектом правоотношения являлся государственный орган, который производил исполнительные действия.

Система способов принудительного исполнения характеризовалась сочетанием имущественных и личных взысканий, что следует рассматривать как следствие преиндустриального состояния общества, когда существовали сегменты как традиционных, так и современных отношений. Такому сочетанию мер принудительного исполнения способствовал незначительный и к тому же дискретный экономический рост. В качестве основных способов принудительного исполнения выступали обращение взыскания на движимое и недвижимое имущество, на выплаты должнику, личное задержание³.

Измерение эффективности данной модели представляется достаточно проблематичным, поскольку не велось соответствующей статистики. Более или менее систематизированные данные появляются в середине XIX в. Правда, эта статистика не дает оснований для серьезных опасений. Например, в 1860 г. судами первой и второй инстанций (уездными судами, магистратами и палатами гражданского суда) было решено 139 060 гражданских дел, из них были исполнены в том же году 109 359 судебных актов, или почти 80% от всех вынесенных решений. Неисполненных решений, вынесенных в 1860 г., числилось 29701⁴. В 1864 г. ситуация оказалась хуже: указанными судами было вынесено решений по 151 950 гражданским делам. К концу года осталось неисполненными 50 745 судебных решений. Получается, что две трети решений исполнялось в год их вынесения⁵.

Это неплохой показатель, но следует иметь в виду неполноту судебной статистики того времени. Например, ревизии судов Курской губернии 1826, 1834, 1847 и 1850 гг. вскрыли факты сдачи в архив дел, по которым

¹ Жилин Г.А. О соотношении исполнения с гражданским судопроизводством // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 6. С. 25.

² Распоряжение Президента РФ от 20 мая 2008 г. № 279-рп «Об образовании рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе» // Российская газета. 2008. 24 мая.

³ Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских // Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. X. Ч. II. Ст. 1813–2241.

⁴ Подсчитано по: Отчет Министерства юстиции за 1860 г. Б. м., б. г. С. 1–24.

⁵ Подсчитано по: Отчет Министерства юстиции за 1864 г. СПб., 1866. С. 43, 52, 190.

отсутствовало реальное исполнение. Были обнаружены тысячи дел, в которых либо отсутствовали какие-либо отметки об исполнении, либо имелись записи, не соответствующие действительности. Более того, в судах практиковали такие небрежные записи, что не представлялось возможным установить содержание отметки⁶. По свидетельству И.В. Гессена, по итогам ревизии Ф.А. Дурасова в Курской губернии были выявлены в одних случаях тысячи неисполненных решений, а в других ревизоры вообще затруднились установить количество неисполненных актов, а потому ограничились констатацией следующего содержания: «счета неисполненным решениям... никто не знал, проверить их число не было возможности, потому что все реестры, книги и проч. находилось в совершенном расстройстве»⁷. Аналогичные нарушения выявлены в Белгородском уездном суде⁸. Как показывают материалы ревизий других губерний, подобная картина была типичной и наблюдалась практически во всех судах. Отличия состояли только в масштабах нарушений⁹.

Гораздо лучше велась судебная статистика сенатских решений. Поэтому на их примере попытаемся установить процент исполняемости судебных решений. Так, в 1860 г. Сенатом было решено 18 449 гражданских дел, а неисполненных сенатских актов к концу года числилось 8 634, что составляло 47% от общего числа решенных гражданских дел¹⁰. Другими словами, чуть более половины судебных решений исполнялось в год их вынесения. В последующий период показатель заметно ухудшился. Например, в 1864 г. Сенатом было рассмотрено 10 352 гражданских дела, а к 1865 г. числилось неисполненными 9 562 сенатских акта¹¹. Правда, этот показатель отражает все неисполненные решения до 1865 г.

Данные курских судов показывают, что их усилиями в год принятия Сенатом своих актов исполнялось в лучшем случае 50% от их общего числа. Так, в палату гражданского

суда Курской губернии с 21 сентября 1826 г. по 20 февраля 1827 г. поступило 102 указа Сената, за этот же срок было исполнено 47, что составляло 46%¹². Общероссийские данные свидетельствуют о проблемах в исполнении актов Сената. Согласно отчету Министерства юстиции в 1855 г. числилось неисполненными 77 225 сенатских указов. В течение года было исполнено 54 804 сенатских акта (71%). Кстати, этот год при оценке состояния исполнительного производства по сенатским актам был признан успешным¹³. Но в целом Министерство юстиции констатировало неудовлетворительное состояние системы принудительного исполнения сенатских решений, возлагая вину «на полицию и губернское начальство»¹⁴. Примерно с 1860 г. в отчетах Министерства юстиции постоянно присутствует тема низкой эффективности исполнительного производства.

Обобщая приведенные данные, можно сделать вывод, что в год принятия судебного решения исполнялось примерно 50–60% судебных решений. Исполнение остальных переносилось на последующие годы. Надо полагать, это были дела, имевшие плохую перспективу быть исполненными. В итоге происходило накопление неисполненных решений. Этот процесс наглядно показан в таблице 1.

Таблица 1

Количество неисполненных решений судов первой и второй инстанций к 1865 г.¹⁵

Год вынесения судебного решения	Неисполненных судебных решений (ед.)
Более 15 лет назад	1383
Более 10 лет назад	2770
Более 5 лет назад	13053
1861	13262
1862	20692
1863	36186
1864	50745
Итого:	138091

⁶ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 9828. Л. 7–8; Оп. 2. Д. 2736. Л. 72об.; Д. 3394. Л. 21.

⁷ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 24–25.

⁸ Государственный архив Белгородской области. Ф. 2. Оп.4. Д. 1. Л. 73–74.

⁹ Обзор состояния судебных мест по 36-ти губерниям, в коих произведены были ревизии. Б. м., б. г. С. 2–503.

¹⁰ Подсчитано по: Отчет Министерства юстиции за 1860 г. С. 8–13.

¹¹ Подсчитано по: Отчет Министерства юстиции за 1864 г. С. 30, 36.

¹² Подсчитано по: ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9828. Л. 21–21об.

¹³ Отчет Министерства юстиции за 1855 г. СПб., 1857. С. 11.

¹⁴ Отчет Министерства юстиции за 1864 г. С. 36.

¹⁵ Подсчитано по: Отчет Министерства юстиции за 1864 г. С. 60.

К середине XIX в. положение дел было таким: число вынесенных решений по гражданским делам почти равнялось количеству неисполненных актов суда. Например, в 1860 г. судами первой и второй инстанций было решено 156 273 гражданских дела, а неисполненных решений по этому году числилось 155 960. В 1864 г. картина принципиально не изменилась, показатели выстраивались так: 151 950 и 153 882 соответственно. Более того, явно наметился перевес количества неисполненных решений. Перед нами своего рода кумулятивный эффект, когда из года в год накапливались неисполненные решения, которые в конечном счете достигли критической отметки. Она пришлась на середину XIX в., вот почему в отчетах министерства так много уделяли внимания состоянию исполнительного производства.

Очень серьезной проблемой стала медлительность при исполнении судебных решений. Показательными являются следующие примеры из практики курских судов. 2 января 1836 г. было вынесено решение по спору помещиков Жигулиных. 13 октября 1837 г. Дмитриевский уездный суд донес, что исполнение по этому делу перешло Суджанскому уездному суду. Через восемь лет — 31 октября 1845 г. — палата гражданского суда Курской губернии первый раз выслапа указание о необходимости ускорения по исполнительному производству, второе — 28 февраля 1847 г.¹⁶ Исполнение по делу однодворцев Зиновьевых началось с 22 февраля 1838 г. после вступления в законную силу решения палаты гражданского суда и отправки указа палаты, но только 10 сентября 1838 г. Старооскольский уездный суд передал дело для производства исполнительных действий местному земскому суду. Полагающиеся в этом случае подтверждения из палаты гражданского суда приходили 14 октября 1838 г., а также 15 июня, 12 октября 1839 г. Затем до 1847 г. по делу не производилось никаких действий¹⁷. Исполнение по делу мещан Соломенцевых велось с 1841 г., и только по истечении пяти лет магистрат получил первые подтверждения из палаты гражданского суда¹⁸.

Примечательно совпадение продолжительности исполнительного производства в приведенных примерах и сроков по исполнению указанных выше в общероссийских данных. Везде отмечается пятилетний период. Конечно, не все решения исполнялись в такой

временной отрезок, но на основе эмпирических данных можно с уверенностью говорить о неразумной длительности процесса исполнения. Ф.А. Дурасов после ревизии Курской губернии отмечал, что судебные органы «весьма медленно» исполняли свои решения. Как следствие, накопление неисполненных решений. Например, в 1847 г. оказалось неисполненных 325 указов Сената, в 1848 г. — 270, в 1849 г. — 336, в 1850 г. — 332¹⁹. Стоит сказать, что среди них 50% приходилось на указы, принятые в последний год. Анализ статистики подтверждает вывод о том, что «нормальная» продолжительность исполнительного производства составляла до пяти лет. Так, 336 сенатских актов, неисполненных к 1849 г., были приняты в период с 1828 по 1848 г. Из них 286 указов, или 86%, числились с 1844 г., т.е. исполнение по ним велось уже пять лет. За период с 1828 по 1843 г. оставались неисполненными единичные указы.

Итак, три ревизии судов Курской губернии подтверждают выявленные на общероссийском материале основные проблемы российской модели исполнения: достаточно высокий процент неисполняемых решений и медлительность исполнительного производства. Этот вывод полностью подтверждается материалами ревизии 36 губерний, произведенной в 1847 г. Практически во всех судах отмечено медленное исполнение и накопление неисполненных решений. Например, все магистраты и ратуши Тверской губернии «медленно исполняли решения; по многим статьям не было отметок об исполнении»²⁰. В Новгородской губернии обнаружена «необыкновенная в исполнении медлительность»²¹. В Ярославской губернии по некоторым гражданским делам в течение 10 лет не производились никакие действия, суды не осуществляли контроль за исполнением, не предпринимая никаких мер по ускорению исполнительного производства. Аналогичная картина была в Костромской губернии. Во Владимирской губернии результатом отсутствия судебного контроля за исполнением стало накопление большого числа неисполненных решений²². Описание ситуации в уездных судах Псковской губернии говорит о кризисе механизма исполнения. Например, оказалось, что в Псковском уездном суде, помимо медлительности в исполнении, наличия неисполненных решений, отсутствия

¹⁹ Там же. Д. 3394.

²⁰ Обзор состояния судебных мест по 36-ти губерниям... С. 33–36.

²¹ Там же. С. 44–49.

²² Там же. С. 58–82.

¹⁶ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 2736. Л. 74.

¹⁷ Там же. Л. 74об.

¹⁸ Там же.

всякого контроля со стороны судов, не сданы в архив 1193 дела с 1823 по 1844 гг.²³ Другими словами, решения по этим делам не исполнены, а сам суд не предпринял никаких шагов по наведению порядка, предпочтя не замечать грубейшие нарушения закона.

Таким образом, эмпирический материал, отражающий практику исполнительного производства, свидетельствует о сложной и неоднозначной ситуации. Принятая модель исполнительного производства обеспечивала исполнение в год принятия не менее половины судебных решений. Большой проблемой стала медлительность исполнительного производства. Современники в один голос свидетельствовали именно об этом недостатке исполнительного производства и связывали с ним огромные потери для экономики. Длительность, а порой и бесполезность взыскания заставляли кредиторов отказываться от принудительного исполнения, «дабы избежать потери времени и денег, с ним соединенной. Купцы предпочитают взять только 10 копеек с рубля, нежели заводить тяжбу».

Купец должен иметь 50% прибыли, чтобы покрыть причиненный ему ущерб²⁴.

Не случайно накануне и в процессе подготовки судебной реформы обращалось внимание на то, что неудовлетворительное состояние правосудия сдерживало развитие экономики. Например, Д.Н. Замятин писал: «Крайний упадок частного внутреннего кредита, а с тем вместе неудовлетворительное состояние у нас промышленных и торговых дел», рост цен на «предметы потребления произошли наиболее всего от недостатков нашего законодательства». Кредиторы, согласно мнению Комитета министров, специально рассматривавшего эту проблему в 1857–1858 гг., «должны находить охранение своих прав в быстром и точном действии закона, а между тем на опыте оказывается, что взыскание в случае неисправности должника сопряжено с многочисленными формами и обрядами, отдалявшими удовлетворение их претензии на неопределенное время»²⁵.

Известный статистик и экономист В.П. Безобразов, исследовавший в 1859–1860 гг. состояние земельного кредита, кроме того, что пришел к выводу об огромном значении действенной судебной власти для отыскания

источников кредита, систематизировал и проанализировал отзывы земельных собственников о суде. Оказалось, что они негативно относились к слабой судебной и полицейской охране собственности и личности, неотъемлемой частью которой являлось принудительное исполнение юрисдикционных актов, которая, по их мнению, выступала серьезным «затруднением для поземельного кредита»²⁶. Сам В.П. Безобразов доказывал, что существовавшее положение в системе гражданской юрисдикции дореформенной России недостаточно «ограждало неприкосновенность прав частной собственности и частной промышленной деятельности, — созидающих капиталы»²⁷. Примерно в том же ключе высказывался К.П. Победоносцев²⁸, министр внутренних дел П.А. Валуев²⁹ и др.

Каузальный комплекс, лежавший в основе низкой эффективности исполнительного производства, включает несколько групп причин. Первую составляют организационно-правовые проблемы. Они связаны с тем, что исполнительное производство являлось зоной ответственности как суда, который отвечал за исполнение вынесенного акта, так и полиции, которая осуществляла основной объем исполнительных действий. На практике полиция не смогла заменить специальный орган принудительного исполнения. Коллегиальный и иерархический принципы ее организации мешали быстрому исполнению, превращая его в обычную бюрократическую процедуру. Суд не смог обеспечить за рамками процессуальной сферы эффективный контроль за деятельностью полиции, поскольку между ними отсутствовало правоотношение административного характера. Министерство юстиции в 1864 г. назвало отношения суда и полиции главной причиной неисполнения судебных решений³⁰.

Вторую группу факторов образуют процессуально-правовые причины, или неразработанность и несовершенство процедур исполнения. Здесь следует отметить прежде всего продолжительные сроки, действовавшие в исполнительном производстве. Напри-

²³ Там же. С. 178.

²⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 57. Д. 1903. Л. 8.

²⁵ Записка управляющего Министерством юстиции о взысканиях по долговым актам // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 2. С. 6.

²⁶ Безобразов В.П. Отчет о действиях Комиссии, высочайше учрежденной для устройства земских банков. СПб., 1861. С. 40–43.

²⁷ Там же. С. 109–111.

²⁸ Победоносцев К. Вещный кредит и закладное право // Русский вестник. 1861. № 6. С. 440.

²⁹ Валуев П.А. Записка Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» // Исторический архив. 1961. № 1. С. 74–79.

³⁰ Отчет Министерства юстиции за 1864 г. С. 60.

мер, обращение взыскания на недвижимое имущество в лучшем случае позволяло взыскателю получить компенсацию долга спустя три с половиной года³¹. Все это усугублялось правовыми подходами, которые нарушали баланс между интересами различных участников исполнительного производства. Скажем, нормы законов предоставляли значительные преференции казне в ущерб частным лицам. Должник имел в своем распоряжении богатый арсенал средств по затягиванию и срыву исполнительного производства. Рудиментом последнего являлся институт личного задержания. Оставались неурегулированными важнейшие аспекты исполнительного производства. Так, закон игнорировал проблему неизвестности взыскателя, не получил регламентации институт розыска должника. Это заметно тормозило исполнительный процесс. Архаизм и недостаточность процедур принудительного исполнения усугублялись их несоответствием требованиям социально-экономических отношений. Ярким примером можно считать отсутствие правового регулирования обращения взыскания на капиталы, находящиеся в кредитных учреждениях, ценные бумаги и т.п.

Судебная реформа 1864 г. сопровождалась не только преобразованием судостроительства, но и судопроизводства. На смену публично-правовой пришла судебная смешанная модель принудительного исполнения решений суда по гражданским делам, характеризовавшаяся сочетанием публичных и частноправовых элементов. Показателем перехода к судебной модели является учреждение при суде судебных приставов — специальных должностных лиц, которые осуществляли принудительное исполнение юрисдикционных актов.

Следующим важным нововведением стало расширение правовых возможностей в большей степени взыскателя, в меньшей — должника. Это не означало, как утверждали некоторые специалисты, что исполнительное производство стало базироваться на состязательном начале³². Состязательность в исполнительном производстве отсутствовала, поскольку не было предмета спора, по поводу которого стороны могли состязаться или вести борьбу между собой. Исполнение судебных решений представляло собой сферу отношений, где модели поведения всех участников

ясны и заданы исполнительным документом. В то же время стороны в исполнительном производстве по своему усмотрению могли теперь совершать предусмотренные законом действия либо отказаться от их совершения. Как писал известный процессуалист В.А. Рязановский, «субъективные гражданские права отличаются особым свойством: свободной распоряжаемостью их»³³.

Закон предоставлял достаточно широкие правовые возможности взыскателю. В меньшем объеме они предоставлялись должнику, свобода усмотрения которого обеспечивалась в незначительной степени. Это позволяет говорить о присутствии императивного метода, следовательно, публичного начала, свойственного всем сферам, где присутствует государственная деятельность. Это, кстати, детерминировало дуализм правового положения судебного пристава, которое сочетало в себе элементы статусов государственного служащего и независимого практикующего лица, исполнявшего в интересах взыскателя судебное решение³⁴.

Указанные нововведения позволили, по сравнению с дореформенным периодом, существенно улучшить эффективность исполнения. Уже в первые пореформенные годы при анализе применения на практике судебных уставов обращалось внимание на целесообразность наличия при окружных и при мировых судах судебных приставов, поскольку полиция по-прежнему крайне медленно приводила в исполнение судебные акты³⁵. Вследствие этого высказывалось опасение, что с «уничтожением должности судебного пристава при мировых судах, когда становые приставы явятся единственными исполнителями судебных решений мировых судей, по приведению в исполнение сих решений неизбежны весьма серьезные затруднения»³⁶.

Реальная практика была сложнее. Судебная реформа 1864 г. создала широкие возможности для использования суда для защиты своих прав и законных интересов. Авторами судебных уставов прогнозировался рост дел: предполагалось, что в провинции в окружных судах будет возникать от 85 до 250 гражданских дел в год, а в столичных губер-

³³ Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С. 48.

³⁴ Захаров В.В. Становление и развитие института судебных приставов в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2010. С. 196–245.

³⁵ Свод замечаний о применении на практике Судебных уставов (1869–1870). Б.м., б.г. С. 29.

³⁶ Там же.

³¹ Подсчитано по: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. Ст. 1853–2216.

³² Бутковский А.Н. Русское исполнительное судопроизводство. Киев, 1918. С. 7.

ниях — около 600³⁷. Однако с самого начала стала очевидна ошибочность этих расчетов. Сложная ситуация наблюдалась в судах в первые пореформенные годы, поскольку следовало рассматривать дела из старых судов и вновь поступившие материалы. Вполне типичная картина отмечается в Курском окружном суде. В 1868 г. только в одно гражданское отделение суда было передано 6254 дела из старых судебных учреждений, одновременно поступило 475 новых дел³⁸. Товарищ председателя суда П.А. Юренев отмечал в своем донесении Министерству юстиции: «Решительная несоразмерность средств гражданского отделения с количеством производящихся в нем дел служит одним из оснований медлительности в делопроизводстве»³⁹.

В последующие годы количество дел продолжало расти. Так, в 1871 г. в Курский окружной суд поступило 788 дел, в 1888 г. — 3013, в 1909 г. — 4389⁴⁰. Как видим, количество дел выросло почти в шесть раз. Исследования показывают аналогичную картину и по мировой юстиции⁴¹. Такая же ситуация выявлена специалистами по другим регионам⁴². Общероссийская статистика также указывает на постоянный рост дел, связанных с частноправовыми спорами. Так, количество таких дел, находившихся в производстве окружных судов, возросло с 164261 в 1887 г. до 593 802 — в 1914 г., т.е. в 3,6 раза⁴³. По мировым судьям тоже прослеживался рост; в 1914 г. в их производстве находилось почти 1,5 млн дел⁴⁴.

Одновременно с ростом числа споров увеличивалось количество дел, которые обращались к принудительному исполнению. Показатель количества обращенных к взысканию дел был достаточно высоким. Так, по данным

О.И. Ивановой, в судах Казанской губернии исполнительные листы выдавались по 60–70% разрешенных дел⁴⁵. В округе Московской судебной палаты количество исполнительных листов, предъявленных судебным приставам частными лицами, постоянно возрастало. Например, по данным П. Веритовского, только за два года (с 1868 по 1870 гг.) число исполнительных листов возросло более чем в два раза — с 6882 до 14 081⁴⁶. Общероссийская статистика по окружным судам такова: в 1887 г. судебные приставы получили для исполнения 87 079 исполнительных листов; в 1890 г. — 112 762; в 1893 г. — 143 854; в 1900 г. — 145 754; в 1903 г. — 170 269; в 1908 г. — 228 582; в 1911 г. — 281 100; в 1914 г. — 286 300⁴⁷.

Сравнение данных показывает рост более чем в три раза. С одной стороны, это говорит о достаточно эффективной работе судебных приставов. С другой стороны, прямым следствием такого положения стало увеличение нагрузки на судебных приставов и появление неисполненных судебных решений. Для того чтобы сформировалось представление о динамике указанного процесса, приведем данные по некоторым судам. Так, в 1870-е гг. у судебных приставов Казанского окружного суда количество неисполненных решений возросло с 16 (1871 г.) до 162 (1879 г.)⁴⁸. Аналогичная картина наблюдалась, по данным современников, в Московском⁴⁹ и Курском окружных судах. В 1897 г. числилось неисполненных исполнительных листов 533, а в 1908 г. этот показатель составлял уже 739⁵⁰.

Представление о ситуации в начале XX в. можно получить на основании данных Министерства юстиции, которое во втором десяти-

³⁷ Соображения комиссии, высочайше учрежденной для окончания работ по преобразованию судебной части, о порядке введения в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. Б. м., б. г. Приложение. С. 7–17.

³⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 70. Д. 5637. Л. 23; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 160. Л. 19.

³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 70. Д. 5637. Л. 7.

⁴⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1405. Оп. 70. Д. 5637. Л. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 5. СПб., 1890. С. 50–61.

⁴¹ Щедрина Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Курск, 2007. С. 30–37.

⁴² Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах» (Из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005. С. 146–147, 158–160.

⁴³ Подсчитано по: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1887 г. Вып. 3. СПб., 1888. С. 62–63; То же за 1914 г. Вып. 30. СПб., 1916. С. 156–157.

⁴⁴ Там же. Вып. 30. С. 414–415.

⁴⁵ Иванова О.И. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 – ноябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 120.

⁴⁶ Подсчитано по: Веритовский П.С. Итоги деятельности судебных приставов по округу Московской судебной палаты // Юридический вестник. 1871. № 5. С. 22.

⁴⁷ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1887 г. Вып. 3. С. 76–77; То же за 1890 г. Вып. 6. СПб., 1891. С. 136–137; То же за 1893 г. Вып. 9. СПб., 1894. С. 136–143; То же за 1900 г. Вып. 16. СПб., 1901. С. 166–167; То же за 1903 г. Вып. 19. СПб., 1904. С. 178–179; То же за 1908 г. Вып. 24. СПб., 1910. С. 180–181; То же за 1911 г. Вып. 27. СПб., 1912. С. 344–345; То же за 1914 г. Вып. 30. СПб., 1916. С. 343–344.

⁴⁸ Шимановский М.В. О некоторых недостатках, встречающихся на практике при приведении решений в исполнение. Казань, 1881. С. 13.

⁴⁹ Веритовский П.С. Указ. соч. С. 21–31.

⁵⁰ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4256. Л. 52об–53; Д. 4661. Л. 16–16об; Д. 8847. Л. 46об – 47.

летию стало обращать внимание на остаток неисполненных решений у судебных приставов, что, на наш взгляд, свидетельствует об актуализации рассматриваемой проблемы. Так, в 1911 г. у судебных приставов окружных судов числились неоконченными 166 271 исполнительное производство. Для сравнения: в этом же году к ним поступило 281 100 исполнительных листов. Ситуация у мировых судебных приставов была не намного лучше: в 1911 г. у них оставалось 177 139 неисполненных исполнительных листов, а поступило к ним еще 493 827 исполнительных листов⁵¹. В 1914 г. судебные приставы окружных судов имели 147 474 неоконченных производств, а вновь возбудили 286300, мировые — соответственно 107 894 и 394 201⁵².

Рост неоконченных исполнительных производств должен был оказать негативное воздействие на эффективность исполнения в целом. Так оно и произошло. Рассмотрение официальной отчетности в части соотношения предъявленных к исполнению исполнительных листов и оконченных исполнительных производств за конкретный год дает положительную картину. Начиная с 1887 и до 1914 гг. этот показатель колебался между 81 и 92%⁵³. Однако в таком варианте, по нашему мнению, он совершенно не отражает реальность: у приставов в производстве находились дела, возбужденные в предыдущие годы. И только с учетом этих данных можно получить более или менее адекватный индикатор.

Возможность его рассчитать имеется применительно к 1914 г., за который есть полная статистика по общим и мировым судебным приставам. Этот год удобен для анализа еще и потому, что система принудительного исполнения судебных решений после всех реформ вышла на тот уровень, когда можно говорить о финальной части ее формирования (напомним, что закончилось введение судебных уставов, была восстановлена мировая юстиция). В 1914 г. в Российской империи мировыми судебными приставами было предъявлено к исполнению 394 201 исполнительный лист,

при этом у них числилось 107 894 неоконченных производств. В течение года приставы осуществляли исполнительные действия по 502 095 исполнительным производствам. В 1914 г. было окончено 349 781 производство, что составляло 70% ко всем находившимся у судебных приставов исполнительным делам. Осталось неоконченных 103 794 производства. Остальные 48 520 исполнительных производств числились прекращенными⁵⁴. Судебные приставы окружных судов в 1914 г. получили для исполнения 286 300 исполнительных листов. Неисполненных дел у них имелось 192 596, в итоге получается 478 896 производств. Согласно официальным данным числились оконченными исполнительные действия по 263 313 исполнительным листам или 55% от всех имевшихся производств. Почти 30 тыс. дел были прекращены, а остальные приходились на долю неоконченных⁵⁵.

Итак, мы имеем колебания между 55% и 70%. Если в категорию исполненных отнести прекращенные производства, то показатели возрастут и составят 61% и 80%. Их можно рассматривать как количественный индикатор эффективности исполнительного производства. В любом случае очевиден рост эффективности по сравнению с дореформенным периодом. Кстати, расчеты показывают, как важны для успешного исполнения доступность пристава, его близость к месту совершения исполнительных действий. В отличие от общих судебных приставов процент исполняемости выше у мировых судебных приставов, которые были несколько ближе к населению ввиду специфики мирового суда. Хотя стоит сказать, что у них были менее сложные дела.

Важным аспектом эффективности процесса исполнения является продолжительность исполнительного производства. Нами уже приводились некоторые данные о длительности исполнения. Дополним их некоторыми расчетами. В фонде судебных приставов Государственного архива Курской области и Государственного архива Тульской области сохранились 70 исполнительных производств в виде журналов и конкретных дел, отражающих действия по исполнению судебных решений⁵⁶. Эта выборка репрезен-

⁵¹ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. Вып. 27. СПб., 1912. С. 286.

⁵² То же за 1914 г. Вып. 30. С. 343–344, 440.

⁵³ Подсчитано по: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1887 г. Вып. 3. С. 76–77; То же за 1890 г. Вып. 6. СПб., 1891. С. 136–137; То же за 1893 г. Вып. 9. СПб., 1894. С. 136–143; То же за 1900 г. Вып. 16. СПб., 1901. С. 166–167; То же за 1903 г. Вып. 19. СПб., 1904. С. 178–179; То же за 1908 г. Вып. 24. СПб., 1910. С. 180–181; То же за 1911 г. Вып. 27. СПб., 1912. С. 344–345; То же за 1914 г. Вып. 30. СПб., 1916. С. 343–344.

⁵⁴ Подсчитано по: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. С. 440.

⁵⁵ Там же. С. 343–344.

⁵⁶ ГАКО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26; Государственный архив Тульской области. Ф. 975. Оп. 1. Д. 26, 27, 30, 32;

тативна не только по количественным требованиям, но и по содержательным критериям. В ней содержатся дела, связанные с использованием всех основных способов исполнения. Кроме того, эти материалы показывают процесс исполнения не только в городах, но и сельской местности. Анализ свидетельствует, что сроки исполнения колебались от 1 до 96 мес. Расчет среднего показателя дает нам цифру 24 мес. — именно столько в среднем продолжалось исполнительное производство в дореволюционной России. По данному показателю мы должны признать позитивные сдвиги, поскольку в дореформенной России исполнение затягивалось на срок до пяти лет.

Конечно, два года — тоже немалый срок, и он вызывал недовольство в обществе. Но тут следует иметь в виду, что выявленная продолжительность исполнения являлась не только следствием недоработки судебных приставов, продолжительности сроков на опись и продажу имущества, отсутствия полноценного судебного контроля, но и недостаточной активности взыскателей. Смешанная модель исполнения так организована, что взыскатель должен постоянно стимулировать судебного пристава. Это требует определенного уровня развития правового сознания. Применительно к рассматриваемому периоду можно говорить только о начале процесса формирования современной правовой культуры в нашей стране. Об этом свидетельствуют появление новых правовых идей, гуманизация законодательства, развитие юридической техники. Однако сохранение патерналистической системы мешало развитию самостоятельности населения. Более того, это формировало благоприятную среду для распространения правового нигилизма, что усиливалось наличием архаизмов, а также негативных стереотипов в правовом сознании.

Как проявление указанных черт правосознания можно трактовать неуплату приставу аванса для исполнительных действий, без которого он не начинал производство; пассивность взыскателя, ограничившегося только вручением повестки об исполнении и больше никаких действий не предпринимавшего; неуплату взыскателем способа исполнения или места жительства должника и др. Официальные данные начала XX в. свидетельствуют, что ответственность за затягивание исполнительного производства лежит на взыскателе и должнике. Например, в 1914 г. 97%

неоконченных исполнительных производств окружных судов считались незавершенными не по вине судебных приставов, а из-за прочих причин⁵⁷. В конкретных судах прослеживалось примерно такое же соотношение⁵⁸.

Изучение журналов судебных приставов позволяет понять, что скрывалось за так называемыми «прочими» причинами. Рассмотрим типичное производство по исполнительному листу, согласно которому судебному приставу Курского окружного суда полагалось взыскать с мещанина И. Простоникова 2 тыс. руб. в пользу купца Н. Якимова. Производство длилось три года, с 15 ноября 1889 г. до 18 ноября 1893 г. Сначала пристав на основании заявления взыскателя обратил взыскание на недвижимое имущество, арестованное в обеспечение иска, но неудачно, поскольку торги были признаны несостоявшимися. Затем спустя чуть более трех месяцев (29 мая 1890 г.) взыскатель вновь подал судебному приставу заявление о необходимости совершения исполнительных действий в связи с неуплатой долга. Однако ввиду отсутствия должника и невозможности продать имущество, в том числе в связи с неявкой обязанных присутствовать при продаже сотрудников местной администрации, исполнительные действия затянулись на два года. Наконец взыскатель перестал обращаться к судебному приставу, так как каждый раз ему приходилось авансировать действия пристава (сумма составляла от 25 до 30 руб.). 18 ноября 1893 г. пристав сдал это производство в окружной суд в связи с тем, что «взыскатель не предоставлял деньги на расходы, и отсутствием его ходатайства»⁵⁹.

Перед нами ситуация, когда безуспешность исполнительного производства была связана с массой факторов: отдаленностью места жительства должника, что мешало успешно реализовать имущество; недостаточной активностью взыскателя, который, видимо, разочаровался в успехе дела после трехкратного обращения к приставу с соответствующей выплатой аванса; плохой координацией между судебным приставом и администрацией.

Тем не менее признаем, что смешанная судебная модель принудительного исполнения решений по гражданским делам оказа-

⁵⁷ Подсчитано по: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. С. 343–344, 440.

⁵⁸ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8847. Л. 4606–47.

⁵⁹ Там же. Ф. 420. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–330б.; см. так же: ГАКО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 1–18, 20, 21, 23, 25, 26, 28; ГАТО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 4.

Ф. 976. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4; Ф. 1039. Оп. 1. Д. 4, 5., 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 33–53; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 1, 2.

лась более эффективной. В течение первого года после вынесения судебных решений исполнялось около 70% от их числа. Наблюдалось заметное ускорение процесса исполнения судебного решения: в среднем он составлял два года, в то время как в дореформенной России — пять лет. Эти успехи напрямую связаны с учреждением института судебных при-

ставов, а также предоставлением взыскателю возможности для активизации своей роли. Правда, следствием этого стало удорожание судебного исполнения. Поэтому законодатель оставил за полицией и должностными лицами крестьянского самоуправления исполнение судебных решений мировых судей, касавшихся преимущественно крестьян.

Библиография:

1. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. 5. — СПб., 1885.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. — М., 2003.
3. Воскобитова Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология. — Ставрополь, 2001.
4. Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. — Ставрополь, 2003.
5. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. — СПб., 1913.
6. Дегай П. Учебная книга российского гражданского судопроизводства и судебного делопроизводства. — СПб., 1847.
7. Захаров В.В. Становление и развитие института судебных приставов в России (вторая половина XIX — начало XX века). — М., 2010.
8. Захаров В.В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации. — М., 2010.
9. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. — М., 2011.
10. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. I. — СПб., 1874.
11. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. II. — СПб., 1876.
12. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. III. — СПб., 1879.
13. Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. — М., 2004.
14. Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропологии. — Ростов-н/Д, 2000.
15. Шиманский В.М. О некоторых недостатках, встречающихся на практике при приведении решений в исполнение. — Казань, 1881.
16. Wagner, W. Marriage, property, and law in late imperial Russia. — Oxford, 1994.
17. Wagner W.G. Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861–1914 // Russian Law. Historical and Political Perspectives. — Leiden, 1977.
18. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. — Berkeley, 1978.
19. Wortman R.S. The development of Russian legal consciousness. — Chicago, 1976.
20. Baberowski J. Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996.
21. Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. Bis 1917. — Leiden, 1972.
22. Cieslak M.D. Polska procedura karna: Podstawowe zalozenia teoretyczne. — Warszawa, 1984.

References (transliteration):

1. Annenkov K. Opyt kommentariya k Ustavu grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. 5. — SPb., 1885.
2. Vas'kovskiy, E.V. Uchebnik grazhdanskogo protsesssa. — M., 2003.
3. Voskobitova L.A. Sudebnaya vlast': vzniknovenie, razvitie, tipologiya. — Stavropol', 2001.
4. Voskobitova L.A. Sushchnostnye kharakteristiki sudebnoy vlasti. — Stavropol', 2003.
5. Gol'msten A.Kh. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — SPb., 1913.
6. Degay P. Uchebnaya kniga rossiyskogo grazhdanskogo sudoustroystva i sudebnogo deloproizvodstva. — SPb., 1847.

7. Zakharov V.V. Stanovlenie i razvitie instituta sudebnykh pristavov v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka). — M., 2010.
8. Zakharov V.V. Sud i institut ispolneniya sudebnykh resheniy po grazhdanskim delam v Rossiyskoy imperii pervoy poloviny XIX stoletiya: zakonodatel'nye osnovy i problemy ikh prakticheskoy realizatsii. — M., 2010.
9. Maleshin D.Ya. Grazhdanskaya protsessual'naya sistema Rossii. — M., 2011.
10. Malyshev K. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. I. — SPb., 1874.
11. Malyshev K. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. II. — SPb., 1876.
12. Malyshev K. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. III. — SPb., 1879.
13. Uortman R. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii. — M., 2004.
14. Shatkovskaya T.V. Pravovaya mental'nost' rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX veka: Opyt yuridicheskoy antropologii. — Rostov-n/D, 2000.
15. Shimanskiy V.M. O nekotorykh nedostatkakh, vstrechayushchikhsya na praktike pri privedenii resheniy v ispolnenie. — Kazan', 1881.
16. Wagner, W. Marriage, property, and law in late imperial Russia. — Oxford, 1994.
17. Wagner W.G. Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861–1914 // Russian Law. Historical and Political Perspectives. — Leiden, 1977.
18. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. — Berkeley, 1978.
19. Wortman R.S. The development of Russian legal consciousness. — Chicago, 1976.
20. Baberowski J. Autokratie und Justiz: Zum Verhlttnis von Rechtsstaatlichkeit und Rckstndigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. — Frankfurt am Main, 1996.
21. Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. Bis 1917. — Leiden, 1972.
22. Cieslak M.D. Polska procedura karna: Podstawowe zalozenia teoretyczne. — Warszawa, 1984.

Материал получен редакцией 17 марта 2013 г.